

Забота о мнении

Гусарская баллада Пастернака

Григорий Амелин

Александр Gladkov.
Встречи с Пастернаком.
— М.: Арт-Флекс, 2002, 288 с.

Театральное детство многих поколений москвичей пролетало с обязательной «Синей птицей», затем ее сменили «Питомцы славы, или Давным-давно». Вахту Метерлинка заступил Gladkov, об авторстве которого слабо ведали юные театралы, как, впрочем, и последующие кинематографические поколения любителей «Гусарской баллады». Александр Константинович Gladkov (не путать с «цементным» однофамильцем) остался автором одной пьесы (хотя написал немало) и мемуаров — о Мейерхольде и Пастернаке. Отрывки из воспоминаний о поэте публиковались неоднократно, потому труднопредставимо, но в России полный, выверенный автором текст отдельной книжкой издается впервые. И кажется, виновата в том дурно понятая политкорректность. Как говорится в эпиграфе «Тристрама Шенди»: «Беспокоят людей не поступки, а мнения о них».

Gladkov всю жизнь (даже в лагерном бараке) вел дневники. Пастернака он боготворил с юных лет и потому постоянные встречи с поэтом в Чистополе, а затем редкие разговоры в Москве воспринимал как незаслуженное счастье. Но голос рассказчика никогда не срывается в экзальтацию, он остается благородным и сдержанным.

Мемуары предваряет предисловие сына поэта — Е.Б. Пастернака, объясняющего: «За-

писи Gladkova (дневниковые) передают живую мысль и высказывания Пастернака, и если при расшифровке некоторых из них Gladkov пользовался частичным цитированием или пересказом известных текстов, то это позволило ему сохранить лексическую и смысловую точность, не искажая ее своими домыслами и словоупотреблением. Это сохранило нам живой голос Пастернака, непосредственную свежесть его мысли и говорит о глубоком пиетете мемуариста, его ТАКТЕ и влюбленной верности своему поэту». И затем текст Gladkova сопровождается подробным комментарием, выполненным со всем тщанием С.Шумихиным и автором предисловия на манер библейского — выборкой «параллельных мест» из Пастернака. Познавательный и очень полезный сам по себе комментарий, сопровождаемый таким тактическим предвидением, непредвиденно из документа, расширяющего горизонт, становится документом как бы «уличительным». А Gladkov чуть не превращается в мемуариста-фальсификатора — не

де совсем не понял «Доктора Живаго», ему «осталась недоступна «уравновешивающая стихи» широкая христианская атмосфера романа» и т.д.

При этом Е.Б. Пастернак так геодезически определяет свое местонахождение: «глядя с ВЫСОТЫ сегодняшнего дня на Gladkova». Такая оговорка в высшей степени характерна. Быть может, английскому читателю в 1977 году требовалось обоснование несогласий с точкой зрения Gladkova, сделанное переводчиком романа и мемуаров. Для читателей подлинников эти словопроения излишни. Gladkov развернуто, чрезвычайно аргументированно и честно изложил свои болевые ощущения от чтения и, как человек театралный, назвал роман беспомощной попыткой «завоевания галереи». Тому, кто покорен поэзией Пастернака, знакома эта словесная пытка при чтении «выбранных мест» романа. Как заметил однажды Ключев: «Разные есть муки: от цвета, от звука, от форм, синий загнивший ноготь, смрадная тряпица на больной человеческой шее — это мука верхняя. Из внутренних же болей есть боль от слова, от

Гладков всю жизнь (даже в лагерном бараке) вел дневники, Пастернака же он боготворил с юных лет

вспоминающего, а списывающего. Ведь читателю не дано знать, что Пастернак «подлинно» говорил своему молодому протеже, а что доверял бумаге и в какой временной последовательности это происходило. Спасибо Gladkovу, что его дневник и память сохраняют такие подробности встреч, которые заставляют нас ему и Пастернаку безоговорочно верить, несмотря на эти побочные благотворительные усилия.

Но «подводный камень веры» мемуарам обнаруживается еще и на иной глубине. Большая часть предисловия отдана защитительной речи — Gladkov-

тряпичного человеческого слова, пролитого шрифтом на бумагу. Часто я испытываю такую подкожную боль, когда читаю прозу... Перекося и ложь образосозвучий... гасят вечерний свет, какой он есть в природе, и порождают в читателе лишь черный каменный привкус, тяжесть и холод...»

В поэтической регате Пастернак и Gladkov — яхты различных категорий, а читатель не спортивный фанат, и потому нет надобности притапливать свободную ладью одного для не нуждающихся в опеке вечно-фортепьянных парусов другого.

ИТ Exlibris (прил. к Независимой) — 2003 — 27 марта — с. 6